РАЗДЕЛ 3. ТВОРЧЕСТВО ПИСАТЕЛЯ В ОЦЕНКАХ КРИТИКИ

Е.И. Орлова, доктор филологических наук, профессор, заведующая кафедрой истории русской литературы и журналистики факультета журналистики МГУ имени М.В. Ломоносова; e-mail: ekatorlova@yandex.ru

М. БУЛГАКОВ И М. ВОЛОШИН В 1920-е годы

Личная дружба двух писателей была основана на их творческой близости. Волошин считал Булгакова «первым, кто запечатлел душу русской усобицы», однако в поэме «Россия», стихах первых лет революции и гражданской войны он сам сделал это с не меньшей художественной силой. Современному читателю видны многие переклички между произведениями Волошина и Булгакова: позиция «над схваткой», соотнесение событий в России с русской и мировой историей, обращение к образам и мотивам Библии, а также к творчеству русских писателей, в первую очередь Достоевского. Общим было и непонимание критикой 1920-х годах значения обоих писателей, которые оказались при жизни недооценены.

Ключевые слова: *М. Булгаков, М. Волошин, история литературы, литературная критика, революция, Гражданская война.*

The personal friendship of the two writers was based on an creative proximity. Voloshin considered Bulgakov as "the first who captured the soul of Russian strife". However, he did so himself with no less artistic force in the poem "Russia," verses about the first years of revolution and civil war. The modern reader can see many parallels between the works of Voloshin and Bulgakov: a position "above the fray," the correlation of events in Russia with Russian and world history, an appeal to the characters and motifs of the Bible, as well as to the works of Russian writers, especially Dostoevsky. They also had in common the fact that literary critics of the 1920s failed to understand both writers who, during their lives, remained underappreciated.

Key words: *M. Bulgakov, M. Voloshin, history of literature, literary criticism, revolution, civil war.*

Поставив на первое место в заглавии этой статьи Булгакова, мы скорее отдали дань не только его недавнему 120-летнему юбилею, но и тому месту, которое писатель занял в истории литературы почти уже столетие спустя после его дебюта. Но в литературной жизни 1920-х годов имена Булгакова и Волошина означали совершенно разные весовые категории. Первая книга стихов Волошина вышла в 1910 году, и она представила сложившегося, профессионального поэта, к тому времени уже достаточно известного. Булгаков же вступает в литературу только в 1920-е годы.

Волошин был одним из немногих современников, кто высоко оценил первый булгаковский роман. Как установила М. Чудакова,

Булгакову стал известен отзыв Волошина из письма к Н.С. Ангарскому в марте 1925 года:

«<...> В печати видишь вещи яснее, чем в рукописи.... И во вторичном чтении эта вещь представилась мне очень крупной и оригинальной; как дебют начинающего писателя ее можно сравнить только с дебютами Толстого и Достоевского» [Чудакова, 1988, с. 246].

Дальнейшие факты общения двух писателей таковы: инициатива знакомства принадлежала Волошину; летом 1925 года Булгаков с женой гостят у Волошина в Коктебеле; при их отъезде Волошин дарит свою акварель с надписью: «Дорогому Михаилу Афанасьевичу, первому, кто запечатлел душу русской усобицы, с глубокой любовью». [там же, с. 251]. Вторым даром Волошина тогда же была его книга «Иверни»: в инскрипте Волошин призывает Булгакова «довести до конца трилогию “Белой гвардии”» [Купченко, 2007, с. 270]. В Москве в марте 1926 года Булгаков участвует в вечере в пользу Волошина; позднее Волошин присылает ему, как и другим участникам вечера, еще акварель. В феврале 1927 года Волошин в Москве встречается с Булгаковым и посещает спектакль «Дни Турбиных» во МХАТе.

Но есть и еще два обстоятельства, на которые, кажется, до сих пор не обращали внимания исследователи и которые не могли не сблизить двух писателей. Эти два обстоятельства можно назвать главным и второстепенным. Начнем с второстепенного.

Нельзя не увидеть общие черты в том, как в 1920-е годы складывается литературная репутация, подготавливающая литературную судьбу обоих писателей — конечно, только прижизненную. В 1923—1925-х годах Волошин и Булгаков публикуются в одних и тех же изданиях. Круг их довольно узок: это газета «Накануне», журнал «Россия», альманах «Недра». О них пишут одни и те же критики, причем эти отзывы почти повально охульные.

Вероятнее всего, первым произведением Булгакова, которое прочел Волошин, стала повесть «Дьяволиада» в 4-м сборнике альманаха «Недра». В следующем, 5 выпуске публикуется поэма Волошина «Космос», а в шестой книге Волошин и Булгаков «встречаются»: здесь публикуется поэма Волошина «Россия» и повесть Булгакова «Роковые яйца». Не удивительно поэтому, что и в критических отзывах их имена часто появляются рядом. Настоящий же взрыв откликов в связи с Булгаковым происходит после постановки в 1926 году «Дней Турбиных». Дело доходит даже до того, что он становится героем фельетона Вадима Шершеневича:

«— Надо написать большую статью об одном молодом писателе, который в последнее время начинает выдвигаться.

— Что вы, что вы! Опять о Булгакове! Не могу!»

Так иронизировал в декабре 1926 г. В. Шершеневич, воспроизводя в своем фельетоне воображаемый диалог редактора театрального журнала «с одним очень умным человеком. Он, кажется, критик»[1].

Реплика этого «кажется, критика» отвечала злобе дня: ни до ни после Булгаков не встречал в таком изобилии упоминаний о себе (даже новая кампания, развязанная в 1928 году под лозунгом «правая опасность и театр», уступает тому всплеску, что наблюдаем в году 1926). Первая же статья, специально посвященная Булгакову, появилась в конце того же года.

«Литературная судьба Булгакова печальна: до сих пор имя его затрагивалось лишь в небольших рецензиях, которые отводили ему обычно полочку между Эренбургом и Замятиным, и этим оценка Булгакова как писателя исчерпывалась»[2], — писала, например Е. Мустангова.

Любопытно, даже парадоксально: Шершеневич в своем фельетоне показывает ситуацию, когда о Булгакове редактор даже слышать больше не может, — но и по-своему права Мустангова, говоря о «печальной» булгаковской судьбе: множество упоминаний, оценок — и ни одной статьи, специально посвященной писателю. Кстати, о сходной ситуации пишет Волошин Е. Ланну в 1925 году: «...вслед за каждым положительным отзывом обо мне следует целый залп ругательств и ушаты помоев. И все это не только носит характер политического доноса, но и влечет за собой последствия политического доноса»[3].

Статья Мустанговой о Булгакове как раз и представляла не что иное, как попытку политического портрета, после которого уже немногие критики осмелились бы выступить с апологией Булгакова. Вот ее основные тезисы: «А между тем Булгаков заслуживает внимания марксистской критики двумя неоспоримыми качествами: 1) несомненной талантливостью, умением делать литературные вещи и 2) не-нейтральностью его, как писателя, по отношению к советской общественности, чуждостью и даже враждебностью его идеологии основному устремлению и содержанию этой общественности»[4].

Получается, что именно талантливостью Булгаков, по логике критика, и опасен советскому обществу. «Агент новой буржуазии»,

---

[1] *Шершеневич В.* Общее благополучие // Жизнь искусства. 1926. № 50. С. 6—7.

[2] *Мустангова Е.* О Михаиле Булгакове (в связи с постановкой «Белой гвардии» и «Дней Турбиных» в Моск. Худож. Театре // Жизнь искусства. 1926. № 45. С. 13.

[3] «...Темой моей является Россия». Максимилиан Волошин и Евгений Ланн. Письма. Документы. Материалы / Сост. Д.А. Беляев, Г.П. Мельник. М., 2007. С. 50.

[4] *Мустангова Е.* Указ. соч.

«злое и лживое нападение на рабочий класс (“Роковые яйца”)»[5] — вот распространенные характеристики Булгакова, в то время как Волошин был назван в одном из подобных обзоров «живым трупом»[6].

Рапповские критики разносили Булгакова и Волошина в прямом и в переносном смысле; в прямом — по разным группам, в соответствии каждый со своей классификацией, более или менее разветвленной и детальной, но одинаково уродливой. Итог же своей жизни в литературном процессе Булгаков подвел сам, когда подсчитал, что на 298 отрицательных отзывов пришлось лишь 3 положительных. Кстати, удивительным образом булгаковская неутешительная статистика перекликается с тем, как писал о себе в 1924 и 1925 годах Волошин: «...меня много ругали и поносили, но никто не взвешивал <...> еще до сих пор в русской критике не было ни одной положительной статьи обо мне, если не считать краткой рецензии Брюсова о моей первой книге, да неожиданного отзыва Львова-Рогачевского <...> за который на меня поднялась такая травля в прошлом году. А кто только меня не ругал и не травил, и теперь, и прежде»[7].

Можно увидеть много общего в том, как оценивают в печати произведения Булгакова и Волошина. Есть, однако, и различия.

«Если можно простить Булгакову его “равнение на потребителя” и безобидное остроумие, то ни самому Волошину, ни редакции “Недр” поэмы “Россия” простить нельзя»[8], — выносил свой приговор один критик.

Разбирая повесть «Роковые яйца», а точнее свои ощущения от нее и затем от поэмы Волошина, другой рассуждал: «...прочитаешь последние строки повести — и недоумеваешь, сетуешь на то, как автор затушевывает, притупляет всю повесть, запутывает все концы, — выстрел оказывается холостым <...> Булгаков повторяет упорно свои ошибки: так раньше, на подобном же анекдоте построил он свой рассказ “Дьяволиада”<...>

Поэма Волошина представляет собой историко-философский трактат, написанный густыми и тяжеловатыми крепкими словами. Волошин субъективен: его космический национализм с безликим и глухим духом истории объективно далеко не обязателен. Он —

---

[5] См.: *Зонин А.* Плюсы и минусы (Беглые заметки) // Жизнь искусства. 1926. № 44. С. 5.

[6] См.: *Нович И.* Дерево современной литературы // На литературном посту. 1926. № 3. С. 24.

[7] «...Темой моей является Россия». Максимилиан Волошин и Евгений Ланн... С. 40, 49.

[8] *Коротков Н.* «Недра». Кн. 6. М.: Недра, 1925 // Рабочий журнал. Лит-худ., общественный и научно-политический двухмесячник «Кузницы». М.; Л., 1925. № 3. С. 156.

лишь свидетельство об яркой поэтической разновидности человеческой особи, социально довольно безразличной»[9].

Была, пожалуй, лишь одна рецензия на шестую книгу «Недр», которая не звучала в унисон с большинством голосов. Но, вероятно, не случайно ее автор не подписался полным именем. Критик «Нового мира» писал: «Повесть Булгакова — это не просто “легкое чтение”. Лица, типы, картины — все это невольно запоминается, все это злободневно и метко. Маленькой фразы достаточно, чтобы осветить ярким лучом смеха как будто неприметный уголок нашей сегодняшней жизни <...>

Всем читавшим повесть Булгакова я задам один вопрос: какое осталось у них впечатление от нашего “завтра”, изображенного в повести “Роковые яйца”? Произвело ли на них это “завтра” гнетущее, упадочническое впечатление? По моему скромному мнению, едва ли сумеет какой-нибудь автор утопического, р-р-революционного романа заронить в своих читателей такое же чувство могучей жизнерадостной страны, нашего Нового Света. А восприятие читателя есть восприятие самого художника»[10].

Итак, по Л-ву, *Роковые яйца* — самая заметная прозаическая вещь в альманахе. Говоря же о поэзии, представленной в «Недрах-6», журналист отмечает лишь поэму Волошина: «Только поэма М. Волошина “Россия” оставляет глубокое и сильное впечатление. Странны, конечно, его мысли — мысли сменовеховца, “Пильняка в поэзии”, но красота многое может искупить»[11].

Странным кажется нам теперь сближение Волошина с Пильняком, но заслуживает внимания эта редкая для 1920-х годов высокая оценка поэмы; от анализа содержания ее, однако, рецензент уклонился. Любопытно, что писавшие о Волошине, как и в случае с Булгаковым, повторяют друг друга: о «сменовеховстве, пильняковщине в стихах» говорил не один Л-в. «Вагонной литературой», но «высшего качества» назвал «Белую гвардию» отнюдь не отрицавший Булгакова Н. Осинский[12]. «Повесть Булгакова (“Роковые яйца”. — *Е.О.*) — легкое вагонное чтение»[13], — утверждал и Н. Ко-

---

[9] *Правдухин В.* «Недра». Лит.-худ. сборники. Кн. 6. М.: Недра, 1925 // Красная новь. 1925. № 3. С. 287—289.

[10] Л-в. «Недра» — книга шестая // Новый мир. 1925. № 6. С. 152. О Булгакове как о писателе «с европейской, уэллсовской складкой» писал А. Воронский (Красная новь. 1925. № 10. С. 254—255).

[11] Там же. С. 152.

[12] Правда. 1925. 28 июля.

[13] *Коротков Н.* «Недра». Кн. 6. М.: Недра, 1925. // Рабочий журнал. Лит-худ., общественный и научно-политический двухмесячник «Кузницы». М.; Л., 1925. № 3. С. 156.

ротков. С легкой руки Замятина эпитет «бойкий» дважды был применен к Булгакову[14].

И А. Воронский, и критики «Перевала» тоже пишут о Булгакове и Волошине. Однако при всей широте эстетических позиций и их отношение к обоим писателям было далеко от безоговорочного приятия. Опять-таки они сходятся в оценке того и другого. Вот как отозвался — одним из немногих — А. Лежнев на «Космос» Волошина, опубликованный, как уже говорилось, в 5-й книжке «Недр»: «Лучше других “Космос” Волошина, род философии истории или, вернее, истории идеологий в стихах. Некоторые характеристики эпох великолепны, — например, характеристика средневековья. Что же касается нашей эпохи, то, по мнению поэта, наука, уничтожив ньютоновско-лапласовскую картину мира, доказала, что

Все относительно:
И бред и знанье.
Срок жизни истин:
Двадцать-тридцать лет —
Предельный возраст водовозной клячи <...>

Это, конечно, не так. Утверждения М. Волошина сводятся к тому, что мир — только наше представление, или, если и существует, — непознаваем. Утверждение далеко не новое и высказывавшееся в эпоху господства теорий Ньютона — Лапласа. Современная наука исключает такого рода философии»[15].

Как видим, Лежнев был непререкаем в том, что касалось осмысления современности. Наука (читай: марксистская), в которую он свято верил, должна была, по мысли критика, объяснить и обосновать справедливость нового переустройства мира. Любой иной подход объявлялся несостоятельным. Так давала о себе знать методология даже лучших наблюдателей литературного процесса 1920-х годов: тот способ мышления, на который Лежнев признавал право Волошина в отношении средних веков и всех других эпох, не мог быть применен в отношении современности. В масштабе же мышления Волошина, без преувеличения планетарном, современность никак не должна была быть возведена в абсолютную степень.

В следующем же году Лежнев отозвался о «Белой гвардии», отозвался достаточно осторожно, заметив, что «в трактовке действую-

---

[14] См. *Замятин Е.* О сегодняшнем и о современном // Русский современник. 1924. Кн. 2. С. 266; *Лежнев А.* Художественная литература // Печать и революция. 1927. № 7. С. 106—107.

[15] *Лежнев А.* «Недра». Литературно-художественный сборник. Кн. 5. М.: Мосполиграф, 1924. С. 284 // Красная новь. 1924. № 6 (23). С. 355.

щих лиц автор старается подражать Льву Толстому, изображая своих офицеров ни негодяями, ни героями...»[16]; он достаточно мягко попенял Булгакову за поэтизацию персонажей и оставил вопрос об «идеологической перспективе» романа до завершения его публикации.

А годом раньше, в статье 1924 г. «Заметки о журналах», А. Лежнев, касаясь журналов «Россия» и «Русский современник», пишет о Волошине так: «Есть у нас такие специалисты по патриотическим истерикам, сделавшие из “любви к родине” профессию. Секрет их производства несложен: “стиль рюсс” да немножко достоевщины, да немножко от Блока, да демонстрация собственного душевного благородства. В таких стихах есть всегда специфический привкус, специфическая окраска. У М. Волошина она особенно сильна. Современная Россия, возникшая в революции, представляется ему гулящей, беспутной, и он не жалеет красок для изображения ее “непотребства”...»[17].

Критик цитирует стихотворение «Русь гулящая», но оставляет его даже без комментария, настолько собственное возмущение кажется ему праведным в отношении Волошина. И, конечно, Булгакова он также зачисляет в правый фланг в литературе. «Булгаков — писатель молодой, начавший писать лишь в советскую эпоху. Его бойкий талант, фрондерство и испуг рецензентов создали ему большую известность. Он остроумен, иногда зол, но редко выходит за пределы фрондерства, — зубы его не оставляют глубоких следов»[18].

Этого, однако, было достаточно, чтобы через два года, когда ту же характеристику А. Лежнев повторил в совместной с Д. Горбовым книге «Литература революционного десятилетия», получить отповедь, граничившую уже — в 1929 году — с политическим доносом. По мысли оппонента перевальцев, назвать Булгакова лишь «фрондером» значит дать ему слишком мягкую характеристику[19].

И еще раз в книге Лежнева и Горбова встретились Булгаков и Волошин. На этот раз о Волошине писал Д. Горбов: «Наконец, вот стихотворение М. Волошина “Святая Русь”<...>. Здесь Октябрьская революция рассматривается как разгром, как бесхозяйственность, как растрата ценностей, накопленных веками. Однако в заключение М. Волошин отказывается осуждать Россию за ее поведение».

---

[16] *Лежнев А.* Литературные заметки // Красная новь. 1925. № 7. С. 269—270.

[17] *Лежнев А.* Заметки о журналах. 1. На правом фланге (о журналах «Россия» и «Русский современник») // Печать и революция. 1925. Кн. 6. С. 126.

[18] *Лежнев А.* Художественная литература // Печать и революция. 1927. № 7. С. 106—107.

[19] См.: *Ольховый Б.* О попутничестве и попутчиках // Печать и революция. 1929. № 5. С. 11.

И приведя заключительную строфу стихотворения, так разительно контрастирующую со всем комментарием, который скорее хочется назвать грубым и неточным пересказом, критик резюмирует: «Вот тот предел, дальше которого символисты, в сущности, не пошли»[20].

Мы видим теперь, однако, что, к сожалению, и критики-перевальцы не пошли далеко в своих оценках, которые были — что касается Горбова — попросту беспомощно-плоски, по крайней мере здесь. И перевальцы, чья эстетическая позиция была беспримерно шире рапповской, тоже не приняли ни Булгакова, ни Волошина. Они все же оказались в плену своей эпохи, тогда как оба писателя мыслили свое время как трагически важный, поворотный, судьбоносный, но все-таки один момент (хотя, возможно, длительный) в русской и общечеловеческой истории.

И Воронский занял двойственную позицию в отношении Булгакова. Не отрицая дарования писателя, называя «Роковые яйца» «вещью чрезвычайно талантливой и острой», он резюмировал критические споры так: «Булгакова окрестили контрреволюционером, белогвардейцем и т.п., окрестили, на наш взгляд, напрасно, но для критических выпадов все же были серьезные основания <...> Почему бы и в самом деле не написать <...> художественный памфлет? Основной недостаток Булгакова в том, что он не знает, во имя чего нужны такие памфлеты, куда нужно звать читателя. Или это не дело писателя? В нашу эпоху, когда идет бой не на жизнь, а на смерть? <...> Писатель сам подает повод для всяческих кривотолков и в конце концов неизвестно, куда он ведет нас: может быть, совсем не туда, куда хочет идти наш новый читатель, которому дорог Октябрь»[21].

Но даже и такое, весьма сдержанное отношение к Булгакову вызвало нападки на Воронского со стороны налитпостовцев — рапповцев. Ему припомнили, что еще раньше он называл «Роковые яйца» и «Белую гвардию» вещами «выдающегося литературного качества»[22]. Задумываясь же о возможности сатиры в советской литературе, Воронский хотя и не отрицает ее, но считает нужным напомнить, что допустима лишь одна идеология — марксистская — и что «с вершин, с вершин эпохи нужно смотреть...»[23].

Можно сказать, что А. Воронский, Н. Осинский, публиковавший Булгакова Н.Ангарский — коммунисты старшего поколения, с опытом подпольной работы, арестов, ссылок — не выказывали к писателю ни враждебности, ни агрессии, в отличие от своих ре-

---

[20] *Лежнев А., Горбов Д.* Литература революционного десятилетия. Харьков, 1929. С. 124.

[21] *Воронский А.* Писатель, книга, читатель // Красная новь. 1927. № 1. С. 237—238.

[22] *Воронский А.* О том, чего у нас нет // Красная новь. 1925. № 10. С. 254--259.

[23] *Воронский А.* Литературная хроника // Красная новь. 1922. № 6. С. 344.

тивых младших оппонентов, дельцов от литературы. Пожалуй, они действительно смотрели с вершин *своей* эпохи. Но в том-то и дело, что Булгаков и Волошин смотрели на происходившее в России принципиально с другой точки зрения, мало кому из современников доступной. И в этом обнаруживаются глубинные точки пересечения у этих писателей, столь несхожих по своей поэтике.

И тут мы подходим к самому главному. В понимании картины мира и истории у Волошина и Булгакова было нечто общее. Это прежде всего сознание того, что разворачивающаяся на их глазах история — лишь часть даже не только российского, а общемирового процесса. Об этом говорят уже два эпиграфа к «Белой гвардии». Первый — пушкинский, из «Капитанской дочки», — включает происходящие в Городе 1918 года события в контекст русской истории; при этом и сам автор волевым движением выбора эпиграфа включает себя в определенный литературный контекст. Второй же эпиграф — из Апокалипсиса — не только говорит о масштабности происходящих событий, но и обозначает тоже через весь роман проходящую тему соотношения двух времен, двух историй: российской и всечеловеческой. Эта тема развивается уже в первой фразе романа упоминанием Рождества Христова.

Волошин же в первый год «русской усобицы», по его признанию, читает только газеты и Библию. Через его стихи этих лет (впрочем, начиная еще с «Предвестий» 1905 г.) проходят мотивы Ветхого и Нового Завета. Но он обращается не к Рождеству, а к образам Распятия и Воскресения Христова. «В часы Голгоф трепещет смутный мир» — в этом необычайном и ни у кого не встречавшемся «умножении» образа распятия уже тогда сказался характер осмысления Волошиным событий текущих и предстоявших. В стихотворении «Предвестия» возникает образ разорванной скинии, а на небе появляется символическое видение троящегося багрового солнца: оказавшись 9 января в Петербурге, Волошин наблюдал редкое оптическое явление: в тот день на небе действительно были видны три солнца. Это тоже было прочитано поэтом как предзнаменование будущих катастроф:

В багряных свитках зимнего тумана
Нам солнце гневное являло лик втройне,
И каждый диск сочился, точно рана,
И выступила кровь на снежной пелене[24].

Стихотворение «Красная Пасха» (1921), рисующее террор в Крыму, он заканчивает строками, которые потрясают не только самим образом, но и тем, что нам открывается в поэте такой способ мышления, при котором этот образ делается возможным:

[24] *Волошин М.* Россия распятая. М., 1992. С. 157. Дальше ссылки на это издание даются в тексте в скобках с обозначением: РР и указанием страницы.

Зима в тот год была Страстной неделей
И красный май сплелся с кровавой Пасхой,
Но в ту весну Христос не воскресал.

(РР: 172)

И у Булгакова в «Белой гвардии» зимнее солнце Города является героям кроваво-красным: «Совершенно внезапно лопнул в прорезе между куполами серый фон, и показалось в мутной мгле внезапное солнце. Было оно так велико, как никогда еще никто на Украине не видал, и совершенно красно, как чистая кровь. От шара, с трудом сияющего сквозь завесу облаков, мерно и далеко протянулись полосы запекшейся крови и сукровицы. Солнце окрасило в кровь главный купол Софии...»[25].

Мотив Апокалипсиса, завязавшись эпиграфом, проходит через весь роман. Откровение Иоанна Богослова открывает отец Александр и читает строки из него Алексею Турбину. Но ту же книгу читает пациент Турбина, склонный к маниакальности сифилитик, в недавнем прошлом безбожник поэт-футурист Русаков.

И для Булгакова и для Волошина несомненна связь между тем, что происходит на небе и на земле. Вспомним хотя бы еще две сцены из романа: церковный молебен при вступлении в Город Петлюры, — молебен, похожий больше на бесовское действо, — и образ всенощной, которую служат в ночном небе, — финал «Белой гвардии», отсылающий, конечно, к Толстому, у которого всегда образ неба (в том числе звездного) соотносится с тем, что происходит в мире людей. Но в волошинской космогонии даже в еще большей степени, чем у Булгакова, соотносятся «верх» и «низ», небо и земля, и это характерно, кажется, не только для стихов революционных лет, но проявляется особенно отчетливо именно тогда. Почти наугад можно брать примеры в подтверждение этого. В стихотворении «Плаванье»: «А здесь безветрие, безмолвие, бездонность... / И небо и вода — две створы / Одной жемчужницы»[26]. Правда, этой картине противостоит охваченный «красным исступленьем расплесканных знамен» город. Но ненарушенный мир, по Волошину, един, и пространства «верха» и «низа» симметричны. Единство его мышления проявляется и тогда, когда он смотрит на происходящие в современности события. Когда почти одновременно в 1919 году большевистское и белогвардейское информационные агентства издают его «Демонов глухонемых» (и то и другое в целях агитации), Волошин с удовлетворением говорит об этом. Ему, с начала мировой войны отказавшемуся видеть в ком бы то ни было врагов

[25] *Булгаков М.* Собр. соч.: В 5 т. Т. 1. М., 1992. С. 391. Дальше ссылки на это издание даются в тексте в скобках с обозначением: Б 1 и указанием страницы.

[26] *Волошин М.* Собр. соч. / Под общ. ред. В.П. Купченко, А.В. Лаврова. Т. 1. М., 2003. С. 332. Дальше ссылки на это издание даются в тексте в скобках с обозначением: В 1 и указанием страницы.

(«Я и германской омелы не предал, / Кельтскому дубу не изменил»), тем более претило разделение соотечественников на белых и красных. Происходящее в России он понимает как трагедию. В 1919—1923-х годах Волошин создает цикл «Усобица». В 1923 году Булгаков начинает писать «Белую гвардию».

Как кажется, есть сходство в отношении обоих писателей не только к октябрьской, но и к февральской революции. В отличие от большинства людей своего круга, уже февральскую революцию Волошин не принял и в самом по-видимости мирном течении ее видел залог будущих кровопролитий. У Булгакова в романе красную повязку надевает на рукав только Тальберг, который затем — в помещении цирка (что характерно) — руководит выборами «гетмана всея Украины», после же бежит с немцами. Волошин в статье с символическим названием «Самогон крови» пишет о феврале 1917 года: «Помню, как в те дни, когда праздновалась бескровность русской революции, я говорил своим друзьям:

"Вот признак, что русская революция будет очень кровавой и очень жестокой"» (РР: 102).

Булгаков в романе, показывая «русский бунт», апеллирует не только к Пушкину, но и к Толстому, в высшей степени смело, можно сказать — полемически переосмысляя толстовский образ: «Дас, смерть не замедлила. Она пошла по осенним, а потом зимним украинским дорогам вместе с сухим веющим снегом. Стала постукивать в перелесках пулеметами. Самое ее не было видно, но, явственно видный, предшествовал ей некий корявый мужичонков гнев. Он бежал по метели и холоду, в дырявых лаптишках, с сеном в непокрытой свалявшейся голове, и выл. В руках он нес великую дубину, без которой не обходится никакое начинание на Руси. Запорхали легонькие красные петушки» (Б 1: 237).

Понятно и отношение обоих писателей к событиям современности. И для Волошина, и для Булгакова нет разделения на белых и красных. И Най-Турс, и вахмистр Жилин в сне Турбина пребывают в раю, но и там, оказывается, приуготовлено место «для большевиков, с Перекопу которые», — передает Жилин Алексею слова апостола Петра (Б 1: 233). «...все вы у меня, Жилин, одинаковые — в поле брани убиенные», — говорит Жилину сам Господь Бог. «Молюсь за тех и за других», — пишет Волошин.

Есть, кажется, общее и в отношении Булгакова и Волошина к интеллигенции. В лекциях, с которыми поэт выступает в 1918—1919 годах в городах юга России, он говорит об «интеллигентской идеологической шелухе» (РР: 51), о безответственности всего русского общества, в том числе о «государственной беспочвенности русской интеллигенции», которая «не смогла убедить народ в том, что он принимает из рук царского правительства государственное наследство со всеми долгами и историческими обязательствами,

на нем лежащими, — не смогла только потому, что в ней самой это сознание было недостаточно глубоко» (РР: 48). Интеллигенцию, приветствующую революцию, Волошин уподобляет «герою трагедии, который встречает цветами и плясками вестника, несущего ему смертный приговор, принимая его за жданного вестника радости и освобождения» (РР: 118—119); в 1917 году, по словам поэта, «русское общество (интеллигенция) и большинство политических партий <...> радовались симптомам гангрены, считая их предвестниками исцеления» (там же).

Понятно, что Булгаков в 1920-е годы предпочитал не высказываться на подобные темы. Но судя по его роману и рассказам, к нему как бы примыкающим, и его герои, причем мучительно, размышляют об исторической и личной ответственности. «Все мы в крови повинны...» — говорит Елена перед образом Божьей Матери. И тот же мотив — в стихотворении Волошина 1917 году «Трихины», напрямую связанном с Достоевским, которого вспоминают и герои «Белой гвардии». В этом тоже сходятся еще раз два писателя. И, конечно, чувством ответственности продиктованы стихи, заключающие поэму «Россия»: «И чувствую безмерную вину / Всея Руси — пред всеми и пред каждым» (В 1: 380). Настоящими трагическими героями можно назвать Малышева и Най-Турса. В этом булгаковский роман был беспримерен.

Но если Волошин идеями и образами Достоевского поверяет происходящее в современности и видит в ней его сбывшиеся пророчества, то в романе Булгакова «недочитанный Достоевский» вызывает у его героев неодинаковые чувства. «Мужички-богоносцы достоевские! У-у... вашу мать!» — кричит замерзший, измученный Мышлаевский; он же именует «богоносным хреном» старика, отказавшегося отдать сани «офицерне» (Б 1: 192—193). Но не случайным кажется, что слова о «вере православной, власти самодержавной» как единственно возможном для России пути произносятся в сцене попойки и тем самым безнадежно снижаются в глазах автора. В отличие же от Мышлаевского, Алексей Турбин наяву повторяет слова из «Бесов» («Русскому человеку честь — только лишнее бремя...», Б 1: 217), а во сне гонится с браунингом за мерзким кошмаром, чтобы пристрелить «гадину». Бесы у Булгакова глумятся и сквернословят. Сходный образ у Волошина в стихотворении «Северовосток»: «Расплясались, разгулялись бесы / По России вдоль и поперек» (РР: 176).

Что же касается отношения к большевикам, то и тут можно увидеть общие черты у Булгакова и Волошина. Что новый режим был обоим вполне чужд, известно. Но оба понимают, что это явление долгое и отмахнуться от него нельзя, что, вероятно, у большевизма есть глубокие исторические корни. Это явствует из всего текста «Белой гвардии». Но у Волошина проявляется более отчетливо.

Он выстраивает свою концепцию русской истории, на первый взгляд парадоксальную, и в лекциях и в поэме «Россия». Никто из критиков в 1920-е годы, хотя, как мы видели, писали рядом (почти через запятую) о Булгакове и Волошине, не сопоставил поэму «Россия» с булгаковским романом. Они выходят практически одновременно — в 1925 году. Но и другие волошинские стихи как будто напрашиваются на сопоставление с «Белой гвардией». Кстати говоря, и «Демоны глухонемые» издаются в Харькове в 1919 году и бесплатно распространяются в виде отдельных листков в Добровольческой армии — в то самое время, когда Булгаков мобилизован туда как врач. Конечно, мы не можем ни подтвердить тот факт, что Булгаков читал тогда волошинские стихи, ни опровергнуть его, но поэму «Россия», напечатанную под одной обложкой с «Роковыми яйцами», он несомненно не мог не прочесть.

Поражают общие с волошинскими образы не только из «Демонов глухонемых», но и из других стихов: прежде всего северный ветер, несущий снег, метель, символизирующий стихию вздыбленной истории. Одно из важнейших, программных стихотворений Волошина так и называется: «Северовосток». (Для обоих писателей, родившихся, к слову, в Киеве, идущий из Москвы ветер воспринимается как северный; для обоих это и символический ветер истории; на Украине расположен романный Город Булгакова, крымские события изображаются в стихах Волошина о Гражданской войне.) Волошин пишет и о параде в честь победы революции весной 1917 года на Красной площади Москвы, где люди в красных кокардах несут транспаранты, на которых написаны «неподобные, нерусские слова» (в статье Волошин расшифровывает эти слова: «Без аннексий и контрибуций»), и не замечают, как здесь же «На паперти слепцы поют / Про смерть, про казнь, про суд» (стихотворение «Москва» — РР: 43). Вид же этих нищих говорит ему о древней российской истории, о том, что нынешние события имеют корнями еще глубокое прошлое России (можно подумать, что так же полагал и Булгаков) «и что это только начало, что русская революция будет долгой, безумной, кровавой, что мы стоим на пороге новой Великой Разрухи Русской Земли, нового Смутного времени» (РР: 43). У Булгакова в Городе нищие сидят перед собором и тоже контрастируют с возбужденной сиюминутными событиями толпой, но изображены они гораздо более подробно и далеко не идиллично: «Слепцы-лирники тянули за душу отчаянную песню о Страшном суде <...> Страшные, щиплющие сердце звуки плыли с хрустящей земли, гнусаво, пискливо вырываясь из желтозубых бандур с кривыми ручками» (Б 1: 384—385).

Обращает на себя внимание дважды повторенный эпитет «гнусавый», упоминание о денежных бумажках, что бросают певцам в их картузы прохожие. У Булгакова вид этих нищих не менее оттал-

кивающий, они так же страшны, как и все участники молебна. «Калеки, убогие выставляли язвы на посиневших голенях, трясли головами, якобы в тике и параличе, закатывали белесые глаза, притворяясь слепыми. Изводя душу, убивая сердце, напоминая про нищету, обман, безнадежность, безысходную дичь степей, скрипели, как колеса, стонали, выли в гуще проклятые лиры» (Б 1: 385—386).

Совпадение сцен поражает тем более, что по крайней мере в конце 1925 года Волошин с сожалением признается в том, что так и не читал окончания «Белой гвардии»[27]. Значит, и финал романа оставался ему неизвестен. Но и для него было характерно задумываться о времени, «когда и тени наших тел и дел не останется на земле» (Б 1: 428). «Как Греция и Генуя прошли, / Так минет все — Европа и Россия» (В 2: 82), — пишет он в стихотворении-кредо «Дом поэта».

И в прижизненной судьбе обоих писателей видятся нам теперь общие черты. «При жизни быть не книгой, а тетрадкой», пережить поношения со стороны критики — Волошин как будто предвидел все это в 1923 году, когда в стихотворении «Доблесть поэта» (кстати, в одном из вариантов оно называлось «Мастер») писал:

> Творческий ритм от весла, гребущего против теченья,
> В смутах усобиц и войн постигать целокупность.
> Быть не частью, а всем: не с одной стороны, а с обеих.
> <...>
> В дни революции быть Человеком, а не Гражданином:
> Помнить, что знамена, партии и программы
> То же, что скорбный лист для врача сумасшедшего дома.
> Быть изгоем при всех царях и народоустройствах:
> Совесть народа — поэт. В государстве нет места поэту.
>
> (РР: 209)

...Волошин добровольно уступил Булгакову первенство в постижении «русской усобицы». Однако сам он изобразил ее «душу» с неменьшей художественной силой и осмыслил роль и судьбу творческой личности во все времена. Булгакову же еще предстояло в 1930-е годы создать образы Мольера, Максудова, Мастера.

Список литературы

Купченко В. Труды и дни Максимилиана Волошина. Летопись жизни и творчества. 1917—1932. СПб; Симферополь, 2007.

Чудакова М. Жизнеописание Михаила Булгакова. М., 1988.

Поступила в редакцию
10.11.2011

[27] «...Темой моей является Россия». Максимилиан Волошин и Евгений Ланн. Письма. Документы. Материалы. М., 2007. С. 79.